

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ ПРИЗНАКОВ ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧЕ И ОБОРОТЕ ОСОБО ЦЕННЫХ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА И ИХ ПРОИЗВОДНЫХ

Жилкин Максим Геннадьевич

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии
Московского областного филиала Московского
университета МВД России им. В. Я. Кикотя,
главный редактор журнала
«Союз криминалистов и криминологов»,
Москва, Россия
E-mail: zmax71@mail.ru

Предмет исследования: уголовно-правовые признаки «публичная демонстрация... в информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет)» и «совершение с использованием сети Интернет» в делах о незаконной добыче и обороте особо ценных объектов животного и растительного мира и их производных.

Цель исследования: определить содержание и соотношение признаков «публичная демонстрация... в информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет)» и «совершение с использованием сети Интернет», выявить устойчивые судебные критерии их установления и типичные основания переквалификации.

Методы исследования: формально-юридический и системно-структурный анализ; сравнительно-правовой подход; интерпретация норм и правоприменительных позиций; контент-анализ мотивировочных частей приговоров.

Объекты исследования: судебные решения российских судов по делам о незаконной добыче и обороте производных особо ценных объектов животного и растительного мира (включая случаи размещения объявлений и цифрового контента в сети Интернет), а также связанные процессуальные материалы (протоколы осмотра Сети, ответы площадок, экспертизы).

Основные результаты исследования:

1. Судебная практика устойчиво разграничивает «использование сети Интернет» как инструментальный способ совершения сделки и «публичную демонстрацию» как контент-показ предмета, процесса или результата, доступный неопределенному кругу лиц.

2. Сложилась «триада» критериев установления публичной демонстрации: открытость доступа публикации, идентифицируемость предмета по подлинным изображениям (именно того товара), поведенческая связка «онлайн-контент – очная демонстрация – (попытка) сбыта».

3. Типичные причины переквалификации с публичной демонстрации на использование Сети: неподлинные изображения (заимствования из открытых источников), отсутствие надлежащей цифровой фиксации открытости и атрибуции аккаунта/объявления, доказательства, подтверждающие лишь канал коммуникации без контент-показа.

Ключевые слова: публичная демонстрация, использование сети Интернет, незаконная добыча и оборот, производные объекты животного и растительного мира, доказательственные стандарты, правовая определенность, судебная практика.

LEGAL CERTAINTY ISSUES OF THE “PUBLIC DEMONSTRATION” AND “USE OF THE INTERNET” QUALIFIERS IN ILLEGAL HARVESTING AND TRAFFICKING OF ESPECIALLY VALUABLE WILDLIFE AND PLANT OBJECTS AND THEIR DERIVATIVES

Maxim G. Zhilkin

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminal Law
and Criminology at the
Moscow Regional Branch of V. Ya. Kikot
Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Editor-in-Chief of the Union of Criminalists
and Criminologists journal,
Moscow, Russia
E-mail: zmax71@mail.ru

Subject of research: criminal-law qualifiers “public demonstration... in information and telecommunication networks (including the Internet)” and “commission using the Internet” in cases of illegal harvesting and trafficking of especially valuable wildlife and plant objects and their derivatives.

Purpose of research: to determine the content and correlation of the features “public demonstration... in information and telecommunication networks (including the Internet)” and “commission using the Internet,” to identify consistent judicial criteria for their establishment and typical grounds for reclassification.

Research methods: doctrinal (black-letter) and system-structural analysis; comparative legal method; interpretation of statutes and case-law reasoning; case study with content analysis of judgments (online inspections, platform responses, expert reports).

Objects of research: Russian court judgments in cases concerning illegal harvesting and trafficking of derivatives of especially valuable wildlife and plant objects (including online postings and digital content), together with related procedural materials (protocols of online inspections, platform data, expert opinions).

Research findings:

1. Courts consistently distinguish between the use of the Internet as an instrumental mode of committing the deal and public demonstration as a content-based display of the object/process/result accessible to an indefinite circle of persons.

2. A three-part test has emerged for public demonstration: openness of access to the publication, identifiability of the object via authentic images of the actual item, and a behavioral linkage “online content → in-person display → (attempted) sale.”

3. Typical grounds for reclassification to the “use of the Internet” qualifier include non-authentic images (borrowed from open sources), lack of proper digital fixation of openness and account/ad posting attribution, and evidence proving only a communication channel without a content display.

Keywords: public demonstration, use of the Internet, illegal harvesting and trafficking, derivatives of wildlife and plants, evidentiary standards, legal certainty, judicial practice.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из важных принципов уголовного права является принцип правовой определённости, требующий ясности и недвусмысленности уголовно-правовых норм. Однако в текстах российских уголовных законов нередко встречаются ситуации дублирования и расплывчатости формулировок, особенно при введении новых квалифицирующих признаков. Ярким примером являются изменения в уголовном законодательстве, касающиеся ответственности за преступления против окружающей среды и животного мира. В 2017 году Федеральным законом № 412-ФЗ (О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ. Если не оговорено иное, ссылка сделана на источники (нормативные и научные, а также на судебные решения), опубликованные в СПС «КонсультантПлюс») были внесены поправки, дополнившие составы преступлений ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) и ст. 258.1 УК РФ (незаконные добыча и оборот особо ценных животных) новым квалифицирующим признаком – совершение деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Позднее аналогичные положения были включены и в ст. 260.1 УК РФ, введённую Федеральным законом № 113-ФЗ от 14.04.2023 (О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 113-ФЗ), которая установила ответственность за посягательства на особо ценные растения и грибы. В ч. 3 ст. 260.1 УК РФ появился квалифицирующий признак совершения деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)», а в ч. 2 той же статьи – признак совершения «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»».

Новеллы были направлены на усиление ответственности за преступления в сфере охраны окружающей среды и животного мира, учитывая современные реалии – распространение информации о таких преступлениях в медиа и сети Интернет. Тем не менее возникли вопросы относительно правовой определённости данных квалифицирующих

признаков. Практики и ученые указывают на неясность границ их применения, а также на дублирование по сути схожих формулировок в разных частях Особенной части УК РФ. Эти проблемы могут приводить к затруднениям при квалификации деяний и к риску нарушения принципа *nullum crimen sine lege certa* (нет преступления без ясного указания закона).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Статья 258.1 УК РФ устанавливает ответственность за незаконные добычу, хранение, перевозку, пересылку, сбыт особо ценных диких животных и водных биоресурсов редких видов (занесенных в Красную книгу РФ или охраняемых международными договорами) и дериватов (производных). Часть 2 ст. 258.1 содержит два квалифицирующих признака: а) совершение преступления лицом с использованием служебного положения и б) совершение деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Санкция за ч. 2 достаточно строгая (до 6 лет лишения свободы и штраф до 2 млн руб.), что подчеркивает повышенную общественную опасность таких деяний. Кроме того, данная статья содержит специальную ч. 1.1, введенную в 2018 г. законом № 157-ФЗ (О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 157-ФЗ) для ситуаций сбыта или приобретения редких животных с использованием средств массовой информации (далее – СМИ) или электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (далее – сетей), включая Интернет, а также соответствующую ч. 2.1 (использование служебного положения при совершении деяния из ч. 1.1). Таким образом, в ст. 258.1 УК РФ фигурируют оба вида рассматриваемых признаков: «использование СМИ или сетей» – как способ совершения отдельных действий (торговля редкими видами онлайн), и «публичная демонстрация... включая Интернет» – как обстоятельство, отягчающее любое деяние, предусмотренное основной частью состава.

Статья 260.1 УК РФ во многом скопировала структуру ст. 258.1 УК РФ, но в отношении растений и грибов редких видов. Ч. 1 ст. 260.1 УК РФ объединяет несколько альтернативных действий: умышленное уничтожение или повреждение до прекращения роста особо ценных растений и грибов, а равно их незаконные добыча, сбор, приобретение, хранение, пересылка, перевозка или продажа. Часть 2

ст. 260.1 – аналог ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ – устанавливает ответственность за незаконное приобретение или сбыт таких редких растений с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет. Часть 3 ст. 260.1 УК РФ содержит квалифицирующие признаки для деяний из ч. 1: а) использование служебного положения и б) «публичная демонстрация, в том числе в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет)».

Из изложенного видно, что законодатель в 2017–2023 гг. сформулировал единообразные квалифицирующие признаки для преступлений, связанных с редкими видами животных (ст. 258.1 УК РФ) и редкими растениями (ст. 260.1 УК РФ). Такой подход, вероятно, продиктован стремлением унифицировать уголовно-правовую охрану объектов Красной книги, обеспечив одинаковые отягчающие обстоятельства для схожих по характеру преступлений (незаконный оборот редких биоресурсов). В пояснительной записке к законопроекту № 308781-7 (Паспорт проекта федерального закона № 308781-7 «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») (предшествовавшему ФЗ № 412-ФЗ от 20.12.2017) отмечалось, что появление в Интернете и СМИ шокирующих материалов о жестоком обращении с животными вызвало широкий общественный резонанс и петиции об ужесточении наказания. Законодатель указывал, что трансляция сцен насилия над животными на неограниченную аудиторию наносит дополнительный вред общественной морали, поэтому «в проектируемой статье демонстрация жестокого обращения с животными в сети Интернет или иных средствах массовой информации рассматривается в качестве квалифицирующего признака соответствующего преступления». При этом подчеркивалось, что данный признак обусловлен самим фактом публичной демонстрации, независимо от цели виновного, – «квалифицирующим признаком является не наличие цели продемонстрировать жестокость..., а непосредственная демонстрация содеянной жестокости». Законодатель исходил из того, что публичная демонстрация резко повышает общественную опасность преступления: она множит число потерпевших косвенно (зрители испытывают моральный вред), пропагандирует жестокость, провоцирует подражателей и т. д. Аналогичная логика была перенесена на сферу редких животных (ст. 258.1 УК РФ) – преступление более

опасно, если браконьер не просто убил или изъял редкое животное, но и публично похвастается этим, демонстрируя добычу широкой публике.

Что касается преступлений против редких растений (ст. 260.1 УК РФ), их введение в 2023 г. обосновывалось увеличением случаев сбора и уничтожения таких объектов в некоторых регионах (Дальний Восток, Алтай, Крым). Законодатель посчитал необходимым восполнить пробел в уголовном законе, создав зеркальную норму по отношению к ст. 258.1 УК РФ. В пояснительных материалах отмечалось, что до 2023 г. незаконное истребление редких растений каралось лишь административно (ст. 8.35 КоАП РФ), без учета формы вины, тогда как уголовная ответственность вводится только за умышленные действия, что повышает справедливость более строгой репрессии. Одновременно с криминализацией этих деяний закон включил уже опробованные квалифицирующие признаки – использование Интернета или СМИ и публичная демонстрация – по аналогии с нормами о животных. Это можно объяснить стремлением сразу учесть современные способы совершения преступлений. Действительно, незаконный оборот редких растений (особенно их продажа) зачастую осуществляется через Интернет (онлайн-объявления, группы в соцсетях), а фотографии об удачной «тихой охоте» (сборе редких грибов, цветов) могут выкладываться в открытый доступ, побуждая других к аналогичным правонарушениям. Таким образом, введение указанных признаков, с точки зрения законодателя, должно было усилить превентивный эффект нормы и исключить безнаказанность тех случаев, когда преступники используют современные коммуникации для совершения или популяризации своих действий.

Итак, законодательный замысел сводился к следующему: «Использование СМИ или сетей (Интернет)» – квалифицирующий признак, нацеленный на ситуацию, когда сами преступные действия совершаются посредством информационных технологий. В ст. ст. 258.1 и 260.1 УК РФ этот признак предусмотрен для торговых операций (сбыт, приобретение) с редкими видами. По сути, он охватывает, например, продажу дериватов (частей редких животных или растений) через интернет-сайты, объявления в газетах, социальные сети и т. п. В таких случаях Сеть или СМИ выступает орудием преступления, средством его совершения. Но «публичная демонстрация... включая Интернет» – квалифицирующий признак иного рода: здесь информационная сеть или СМИ не столько

инструмент, сколько арена демонстрации, способ признания огласке факта преступления. Речь идет о случаях, когда виновный публично показывает предмет преступления (например, тушу незаконно убитого животного, чучело редкой птицы, незаконно срубленное редкое дерево или собранный букет особо ценных цветов) либо сам процесс преступления (видео убийства, рубки, издевательства над животным и т. п.), делая это доступным для неограниченного круга лиц. В формулировке прямо указано «публичная демонстрация», что подразумевает целевую направленность на публику, однако, как отмечено выше, законодатель исключил необходимость доказывания специальной цели – достаточно установленного факта демонстрации на публике. Такой показ может осуществляться «в том числе» через СМИ или интернет-ресурсы, что расширяет понятие до любых форм публичности (включая, например, публичное выставление незаконно добытого животного трофея на мероприятии, телесюжет о таком деянии, стрим-трансляцию в соцсети и т. д.).

Сочетание этих двух квалифицирующих признаков отражает желание законодателя охватить разные по характеру формы усиления общественной опасности: использование Интернета или СМИ для совершения сделки с редкими объектами усиливает опасность тем, что существенно расширяет возможности незаконного оборота, повышает его скрытность и масштаб (онлайн-торговля трудно контролируема, может вовлекать большое число участников); публичная демонстрация факта преступления или его результата усиливает опасность, добавляя к непосредственному ущербу природе еще и моральный вред обществу, подрывая нормы нравственности и стимулируя новые правонарушения через эффект рекламы жестокости.

Однако столь близкое соседство и частичное пересечение указанных формулировок породили вопросы: всегда ли они различимы на практике, нет ли между ними избыточного дублирования и насколько четко определены их границы?

Первый блок проблем – это разграничение между двумя сходными квалифицирующими признаками. В том виде, как они сформулированы, возможны ситуации, когда одно и то же действие виновного подпадает под обе формулировки либо неясно, под какую из них его относить. Например, если браконьер размещает в Интернете объявление с фотографией убитого редкого животного с целью продажи, то налицо одновременно: использование информационно-телекоммуникационной сети (Интернет) для осуществления

продажи (то есть признак ч. 1.1 ст. 258.1 или ч. 2 ст. 260.1 УК РФ) и публичная демонстрация самого предмета преступления (фотография туши редкого животного выставлена на всеобщее обозрение).

Формально ст. 258.1 УК РФ содержит оба варианта: продажа через Интернет образует состав ч. 1.1 (более строгая мера ответственности, по сравнению с ч. 1), а если деяние к тому же совершено с публичной демонстрацией, то квалификация может быть осуществлена по п. «б» ч. 2 (повышение категории до тяжкого уровня). Однако возникает вопрос – не означает ли это двойного учета одного и того же обстоятельства? Ведь по сути, размещение объявления в открытом доступе – это одновременно и способ сбыта, и его публичная огласка. В теории уголовного права действует запрет двойного вменения отягчающих обстоятельств, если они по существу совпадают. Применительно к нашей ситуации возможно двоякое толкование: либо считать, что публичная демонстрация охватывает только действия, не являющиеся способом совершения сделки, а преследует иные цели (например, похвастаться, шокировать публику), тогда размещение фото с целью продажи – это прежде всего «использование Сети для сбыта», а не «демонстрация»; либо признать, что любое обнародование изображения предмета преступления является демонстрацией, независимо от его целей, и тогда объявление о продаже редкого вида, сопровождаемое фотографией, автоматически влечет признак публичной демонстрации.

На данный момент судебная практика еще не выработала единообразного подхода к данной проблеме. Случаи квалификации по п. «б» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ (публичная демонстрация) единичны и зачастую идут в сочетании с другими отягчающими (служебное положение, группа лиц) [5; 3]. Аналогичная ситуация складывается и по п. «б» ч. 3 ст. 260.1 УК РФ. Иногда ситуации, где имело место онлайн-объявление, квалифицируются только по составу сбыта через Интернет (ч. 1.1), минуя пункт о демонстрации. Это косвенно указывает, что правоохранительные органы склонны видеть в публикации с целью продажи прежде всего способ совершения сбыта, а не самостоятельную демонстрацию. Такой подход логичен, иначе любое интернет-использование для преступления автоматически превращалось бы и в публичную демонстрацию.

Анализ имеющихся в открытом доступе судебных решений показывает устойчивое разграничение между «использованием сети Интернет» как способом совершения сделки и квалифицирующим признаком «публичной

демонстрации... в информационно-телекоммуникационных сетях».

Так, в деле № 1-521/2022 Ленинского районного суда г. Владивостока от 08.12.2022 суд признал «публичную демонстрацию», поскольку объявление на интернет-ресурсе объявлений Farpost было общедоступным, привязанным к подсудимому и сопровождалось последующей очной демонстрацией и сбытом икры. Напротив, Таганрогский городской суд Ростовской области в приговоре от 02.09.2019 по делу № 1-579/2019 исключил «публичную демонстрацию» и квалифицировал продажу по ч. 1.1 ст. 258.1 УК РФ, указав, что размещение на «Авито» рассматривалось как инструмент совершения, а изображение было взято из открытых источников. Аналогично Центральный районный суд г. Комсомольска-на-Амуре в приговоре от 08.07.2024 по делу № 1-59/2024 (I-702/2023) исключил «публичную демонстрацию» из-за неподлинности изображений (фото «скажаны из Сети») и ограничился констатацией использования Сети как канала связи. В то же время Шкотовский районный суд Приморского края в приговоре от 01.11.2024 по делу № 1-327/2024 признал признак «публичной демонстрации» при покушении на сбыт дериватов женьшеня: объявление на Farpost с собственными фото конкретных банок, открытый доступ и последующая очная демонстрация товара.

Таким образом выявляются критерии квалификации: 1) открытость публикации для неопределенного круга лиц; 2) идентифицируемость предмета по подлинным изображениям именно того товара, который сбывается; 3) поведенческая связка «онлайн-контент» – очная демонстрация – сбыт (попытка). Отсутствие хотя бы одного из элементов ведёт к переквалификации с «публичной демонстрации» на «использование сети Интернет», что последовательно подтверждается приведёнными решениями.

Однако возникает обратная ситуация: если лицо не намеревалось продавать, а просто выложило в соцсети фото с убитым редким зверем (скажем, похвасталось трофеем) – состава сбыта нет, но очевидно присутствует демонстрация. Здесь вероятно должна применяться квалификация по п. «б» ч. 2 ст. 258.1 УК РФ. Между тем в судебной практике пока не встречаются примеры, когда браконьеры сами себя изобличали, выкладывая видеозаписи жестокого обращения с краснокнижными животными в Интернет, но очевидно, что за подобные деяния следует привлекать по этому отягчающему признаку.

Проблема возникает, если подобное деяние совершили не сами браконьеры. Законодатель, вводя квалифицирующий признак

демонстрации, нацеливался на охват тех случаев, когда садистские видео выкладывают трети лица (например, подростки – мучители животных, как в «Хабаровском деле» 2016 г. [1]). Но конструкция исследуемых норм такова, что демонстрация учитывается лишь при квалификации действий того же самого субъекта, который совершил основное преступление. Если же, гипотетически, один человек совершил незаконную добычу зверя, а другой (не участвовавший в добыче) обнародовал видео, то второй прямо под действие признака публичной демонстрации не подпадает. Он мог бы нести разве что иную ответственность (например, за пропаганду жестокости, если бы такая статья была). В результате цель законодателя наказать именно факт публичного распространения жестокого контента реализована лишь частично. Этот аспект – пробел в законе, на который указали О. Н. Агеева и С. В. Анощенкова: преступная «публичная демонстрация» вынесена лишь как квалифицированный, а не как самостоятельный состав, из-за чего «то, к чему стремился законодатель, фактически осталось нереализованным». По их мнению, назрела необходимость прямой криминализации публичной демонстрации преступлений как таковой, чтобы ответственность наступала для любого лица, совершившего умышленную публичную трансляцию жестокого противоправного деяния [2].

Таким образом, разграничение двух признаков упирается в установление мотивов и цели действий виновного. Если Интернет или СМИ выступают каналом для совершения сделки (оборота редких видов) – применяется признак «использование Сети». Если же Сеть или СМИ используются для трансляции сведений о преступлении – применяется признак «публичная демонстрация». В ряде случаев эти ситуации могут накладываться, и тогда теоретически возможно вменение обоих квалифицирующих пунктов одновременно (например, браконьер продавал часть животных через объявление, а других убитых зверей показал публике для устрашения). Такое двойное вменение должно быть тщательно обосновано, дабы не нарушить запрет повторного учета одного обстоятельства. К сожалению, законодатель четких критериев не указал, что является проявлением определённой неопределенности. Суды вынуждены сами оценивать, что доминирует в деянии – цель сбыта или акт демонстрации.

Следующий проблемный момент – собственно понятие публичной демонстрации и его границы. Формулировка «публичная демонстрация, в том числе в СМИ или сети «Интернет» породила дискуссии,

какой минимальный набор признаков образует данный квалифицирующий состав. Неопределенность заключается в следующих аспектах.

1. Что считать «публичностью» и «демонстрацией»? Термины эти оценочные и не имеют легального определения в УК РФ. Опираясь на обычное значение, публичная демонстрация – это преднамеренное представление чего-либо широкой публике (неограниченному кругу лиц). Возникают вопросы: сколько людей должно воспринять демонстрацию, чтобы она считалась публичной? Достаточно ли факта размещения в открытом доступе (например, на общедоступной странице соцсети), даже если реально просмотрело мало человек? Судебная практика склоняется к тому, что факт размещения в общедоступном месте (в СМИ, Интернете) уже свидетельствует о публичности, поскольку потенциально доступ неограничен. Не требуется устанавливать конкретное число зрителей или их реакцию – сам способ распространения информации определяет публичность. Анализ сложившейся судебной практики позволяет дать на него однозначный ответ: размещение видеозаписи противоправных действий в среде, открытой для неограниченного круга лиц, является публичной демонстрацией.

Классическим примером, иллюстрирующим данный подход, является приговор Южно-Курильского районного суда Сахалинской области от 2020 года по делу № 1-57/20. Подсудимый, совершивший жестокое умерщвление крысы путем ее сожжения, не только заснял свои действия, но и «с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» опубликовал видеозапись... в своем аккаунте в социальной сети «ВКонтакте». Суд прямо указал, что этих действий достаточно для квалификации содеянного по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ. Ключевое значение здесь имеет именно открытый характер аккаунта (или самого контента) в социальной сети, платформа которой по умолчанию предназначена для распространения информации среди широкого, неопределенного круга пользователей.

Аналогичная правовая позиция прослеживается в приговоре Северодвинского городского суда Архангельской области от 14.02.2022 по делу № 1-137/2022. Суд, квалифицируя действия подсудимых, совершивших издевательства над котом, указал, что видеозаписи были ими «опубликованы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в социальной сети... для всеобщего обозрения». Употребление формулировки «для всеобщего обозрения» прямо указывает на то, что суд в качестве определяющего критерия публичности рассматривает

направленность действий виновного на обеспечение доступа к видеозаписи неограниченному, анонимному кругу лиц, что соответствует самой природе открытых разделов социальных сетей.

Понятие «демонстрация» также не раскрыто в законе. По смыслу это значит, что объект преступления (или сам процесс) был показан/предъявлен публике. При этом неважно, лично ли виновный демонстрировал или через посредника (например, передал видео журналистам). Если такая демонстрация состоялась с его подачи – признак вменяется. Неважен и формат: прямая трансляция онлайн, видеоролик, телесюжет, публичное выставление – все охватывается термином. Представляется, что даже устное хвастовство на публике, подкрепленное предъявлением трофея, формально может попасть под этот признак (хотя доказать это сложнее, чем факт интернет-публикации).

2. Интересный вопрос – должна ли демонстрация происходить одновременно с преступлением (например, онлайн-стрим охоты) или может быть и после, когда преступление уже окончено? Из буквального текста следует, что демонстрация – самостоятельное действие, которое сопровождает преступление, но не обязательно совпадает с ним по времени. Можно совершить преступление, а затем отдельно публично его продемонстрировать – все равно это «совершение преступления с публичной демонстрацией». Например, браконьер убил редкое животное, через день выложил видео убийства – признак налицо. Это поднимает проблему определения момента окончания преступления: не становится ли оно дляящимся вплоть до акта демонстрации? В теории нет – преступление окончено с моментом основного деяния (убийства, добычи и т. д.), а демонстрация – последующее действие, влияющее лишь на усиление ответственности. В частности, О. Н. Агеева и С. В. Анощенкова указывают, что возникновение данного признака не меняет момент окончания основного состава, но создает двухфазность поведения, что важно учитывать при доказывании и ограничении соучастия [2]. Если демонстрацию осуществляют не сам исполнитель, возникает вопрос, признавать ли демонстрата соучастником (организатором, подстрекателем) основного преступления? По действующему закону – нет, если он не участвовал в самой добыче/уничтожении, его действия формально вне охвата ст. 258.1 или 260.1 УК РФ (как отмечалось выше). Это явный пробел законодателя.

Важным аргументом в пользу данного тезиса служит пример – приговор Череповецкого районного суда Вологодской области от

30.05.2023 по делу №1-6/2023. В данном случае суд оправдал подсудимых по ст. 245 УК РФ, в том числе и по признаку публичной демонстрации, поскольку не было установлено, что именно они сами выложили видеозапись в Сеть. Этот вывод подчеркивает, что для квалификации решающее значение имеет установление умысла и конкретных действий самого обвиняемого, направленных на публикацию материала в открытом доступе. Сам по себе факт существования видео в сети Интернет без доказанной причастности к его размещению обвиняемого не вменяется ему в вину.

3. Публичная демонстрация жестокости над животными граничит с такими понятиями, как пропаганда жестокого обращения (которая прямо запрещена законом об ответственности за жестокое обращение с животными, хотя отдельной статьи УК РФ нет) и изготовление/сбыт запрещенных материалов. Например, ст. 242 УК РФ («незаконное изготовление и оборот порнографических материалов с изображением несовершеннолетних») оперирует понятием «демонстрация порнографических материалов». Можно ли проводить здесь аналогию? В контексте ст. 258.1 и 260.1 УК РФ речь идет не о созданном материале, а об объективно существующем предмете преступления или самом деянии. Тем не менее возможны казусы: если лицо не участвовало в браконьерстве, но, например, смонтировало ролик из кадров издевательств над животными и выложило его – подпадает ли оно под «демонстрацию»? Формально – нет, он не совершил деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 258.1 УК РФ, а значит, нельзя говорить «совершено с демонстрацией». Получается, что сама по себе демонстрация жестокости (без совершения базового преступления) уголовно ненаказуема, хотя и причиняет вред обществу, – это упущение, на которое следует обратить внимание. Здесь мы видим нормативный пробел, который нарушает принцип всеобъемлющего преследования общественно опасных деяний: фактически распространители такого контента остаются вне действия уголовного закона.

4. В формулировках бросается в глаза тавтологическое уточнение: «в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")». Интернет, по сути, уже входит в понятие информационно-телекоммуникационных сетей. Зачем он выделен отдельно? Вероятно, в 2017 году законодатель стремился подчеркнуть, что именно Интернет прежде всего имеется в виду как самый массовый канал. Однако избыточность такой конструкции порождает технико-юридические вопросы:

не создано ли две параллельные категории? Например, если демонстрация произошла по телеканалу – это СМИ; если в социальной сети – это сетевая ИТС; а если на сайте газеты? Формально сайт газеты – это и СМИ (электронное), и сеть Интернет. В любом случае правоприменители трактуют этот перечень совокупно, без попыток разделять (пишут в приговорах: «публично, путем размещения в сети "Интернет" (ИТС)»). Признаковая избыточность здесь не создает серьезных коллизий, но показывает недостаточную лаконичность закона. П. С. Яни критикует такую законодательную манеру, отмечая, что перегруженность норм технико-юридическими уточнениями может снизить их ясность и усложнить их восприятие судами. По его мнению, достаточно было указать «публичная демонстрация, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», без излишней детализации, или даже вынести понятие публичности в общие положения (например, в ст. 63 УК как отягчающее обстоятельство либо в самостоятельный состав), но нынешнее дублирование терминов свидетельствует о поспешности правотворчества [7].

Статьи 258.1 и 260.1 УК РФ фактически содержат идентичные по формулировке квалифицирующие признаки. С одной стороны, это оправданно: преступления схожи по характеру (посягательство на особо охраняемые природные объекты), и единообразие терминологии обеспечивает преемственность правоприменения. С другой стороны, возникает вопрос: было ли необходимо вводить отдельную ст. 260.1 УК РФ, дублирующую многие положения ст. 258.1 УК РФ? Не проще ли было расширить ст. 258.1 УК РФ, включив в ее предмет растения и грибы? Некоторые ученые указывают, что столь узкая дифференциация уголовно-правовых норм ведет к раздробленности и коллизиям применения. Э. Н. Жевлаков, анализируя развитие экологического законодательства, отмечает, что чрезмерная детализация составов может обернуться сложностями в квалификации и пробелами там, где их не ожидали. Так, до 2023 г. отсутствие нормы о редких растениях считалось пробелом; теперь, наоборот, появилось сразу несколько норм (ст. 260, 260.1 УК РФ), регулирующих похожие деяния, что порой затрудняет разграничение между ними [4].

5. Если объектом выступает редкий зверь, должна применяться ст. 258.1 УК РФ как специальная норма, вытесняя общий состав незаконной охоты (ст. 258 УК РФ). На практике так и делают. Но если вид животного не из списка Красной книги, применяется ст. 258 УК

РФ – там нет признака публичной демонстрации. Интересная ситуация: браконьер убил не редкое, а обычное животное, но выложил видео изувечения над ним в Интернет. Формально ст. 258 УК РФ (незаконная охота) не содержит отягчающего обстоятельства за публичность, и преступление остается средней тяжести. Зато ст. 245 УК РФ (жестокое обращение с животными) в подобном случае применима, если докажут цель причинения страданий и там есть аналогичный признак публичной демонстрации. Получается двойной пробел/дублирование: жестокое убийство обычного животного с трансляцией квалифицируется не как отягченная незаконная охота, а по п. «д» ч. 2 ст. 245 УК РФ (с публичной демонстрацией). Происходит наложение норм охоты и жестокого обращения. Таким образом, законодатель, добавляя признак в ст. 258.1 УК РФ, не скорректировал ст. 258 УК РФ, но компенсировал это через ст. 245 УК РФ. В теории это может вызвать споры о конкуренции норм, но судебная практика пока развела их по объекту: ст. 245 УК РФ – защита нравственности и животных от жестокости, ст. 258 УК РФ – защита порядка пользования животным миром. В случае публичной демонстрации жестокости при незаконной охоте возможна совокупность преступлений (ст. 258 и ст. 245 УК РФ) вместо одного пункта в ст. 258 УК РФ, что не совсем удачно системно.

Аналогично уничтожение деревьев редких пород (например, охраняемых Красной книгой) должно квалифицироваться по ст. 260.1 УК РФ (как особо ценное растение), а не по ст. 260 УК РФ (общая незаконная рубка). Но на практике могут возникать вопросы с разграничением, особенно если вид был включен в Красную книгу после совершения деяния (коллизия во времени норм) или если обвинение инкриминировало ст. 260 УК РФ до вступления 260.1 УК РФ. Эти нюансы выходят за рамки нашей темы, но демонстрируют, что появление ст. 260.1 УК РФ создало параллельную норму, требующую внимательного соотношения с уже существующими.

6. Публичная демонстрация преступления теоретически может сопровождаться пропагандой экстремизма или изувечением над символами (если, допустим, убийство животного совершено для устрашения социальной группы и выложено с такими призывами). Тогда квалификация может пойти и по статьям, предусматривающим ответственность за преступления экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ и др.), которые тоже имеют признаки публичности. Между тем, Н. Ю. Скрипченко отмечает, что «другие

выразили сомнения в обоснованности отнесения нового состава к числу преступлений экстремистской направленности, выделяя общественную нравственность в качестве объекта негативного воздействия деструктивного контента, транслируемого в информационном пространстве» [6]. Это приводит к усложнению квалификации – нужно отделять мотивы и объекты посягательства. Здесь особенно важна роль разъяснений высшей судебной инстанции, так как практикоориентирующие постановления Пленума Верховного Суда РФ играют ключевую роль в разрешении сложных вопросов квалификации, выступая стабилизатором при противоречивом законодательстве. В этой связи показательна констатация автора: «Отсутствие судебных решений, содержащих обвинение в совершении криминальных посягательств, охватываемых новыми запретами, исключает анализ подходов правоприменителя к реализации рассматриваемых норм». В отношении рассматриваемых норм пока таких разъяснений нет (по состоянию на 2025 г.), что оставляет правоприменителя один на один с проблемой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ВЫВОДЫ

Проведенный нами анализ показал, что введение квалифицирующих признаков, связанных с публичной демонстрацией преступления и использованием информационно-коммуникационных сетей, хотя и преследовало благие цели усиления ответственности, привело к ряду проблем правовой определенности. Ключевые выводы и предложения можно сформулировать следующим образом:

1. Неопределенность формулировок. Понятие «публичной демонстрации» не раскрыто законодателем, что вынуждает суды толковать его самостоятельно, руководствуясь общими критериями публичности. На практике это привело к возникновению оценочных моментов (круг адресатов, формат демонстрации, время совершения). Такая ситуация нежелательна в уголовном праве: диспозиция должна быть по возможности определенной. Рекомендуется на уровне Пленума ВС РФ дать официальный комментарий, что считается публичной демонстрацией (например, указать, что это доведение информации о факте преступления до неопределенного круга лиц посредством публичных каналов, независимо от временного интервала между преступлением и демонстрацией). Это помогло бы устранить разнобой.

2. Дублирование и коллизии. Законодатель скопировал идентичные квалифицирующие признаки в нескольких статьях, не

обеспечив их согласование с близкими нормами. В результате возникли потенциальные коллизии: между «использованием сети» и «публичной демонстрацией» (внутри одной статьи), между ст. 258.1 и 258, ст. 260.1 и 260 УК РФ (между специальными и общими составами), а также вопросы одновременного вменения нескольких отягчающих за единое действие. Здесь напрашивается решение – оптимизация законодательной конструкции. Либо законодателю следует явно указать, что признак публичной демонстрации не подлежит самостоятельному вменению, если деяние уже квалифицировано как совершенное с использованием Сети (или наоборот), либо вообще объединить эти признаки в один, более широкий. Например, можно было бы сформулировать: «совершенное с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая Интернет), в том числе путем публичного распространения информации о совершенном деянии». Такая формула покрывала бы оба аспекта единообразно, хотя и была бы менее акцентированной. Еще вариант – сделать публичную демонстрацию альтернативой использованию Сети в пункте, а не отдельным пунктом. В любом случае сейчас текст закона избыточен, что признано и научной общественностью.

3. Принцип правовой определенности и справедливость наказания. С точки зрения этого принципа гражданин должен четко понимать, за какие действия ему грозит повышенная ответственность. В случае анализируемых норм простой обыватель вряд ли сразу осознает, что, скажем, публикация в Интернете фото редкого цветка, сорванного вне закона, сделает его преступление тяжким (ч. 3 ст. 260.1 УК РФ). Отсюда профилактическая функция нормы сомнительна. Необходима правовая пропаганда, разъяснение населению (особенно в охотничьих регионах, среди молодежи в Интернете), что такие действия наказуемы. В противном случае норма превратится лишь в средство наказания «показательно наказуемых» случаев, но не предупреждения.

4. Судебная практика и роль ВС РФ. Предлагается Пленуму ВС РФ обобщить практику применения ст. 258.1 и 260.1 УК РФ (возможно, в рамках общего постановления по экологическим преступлениям или преступлениям против животных). В таком постановлении следовало бы:

- дать определение публичной демонстрации (как было сказано выше);
- разъяснить, что не относится к публичной демонстрации (например, частная переписка, ограниченный показ);

– пояснить вопрос совокупности: если деяние одновременно подпадает под использование Сети и публичную демонстрацию, как квалифицировать (в одном пункте или по совокупности пунктов);

– уточнить про соучастников: если видео выкладывает не исполнитель, квалифицировать ли это как пособничество в преступлении (скорее нет, но нужно закрепить).

5. Корректировка санкций. Стоит отметить, что в результате введения признака публичной демонстрации преступления указанные деяния переходят в более высокую категорию тяжести (средней в тяжкие, например). Так, преступление по ч. 2 ст. 258.1 УК РФ стало тяжким (до 6 лет). Это ужесточение оправданно лишь при действительно значительном росте общественной опасности. Пока практика показывает, что зачастую публичность – следствие глупости или нахальства преступника, но не всегда влечет больше вреда среди. Поэтому некоторые юристы высказывают сомнение, не чрезмерно ли подняты санкции. В дальнейшем, возможно, целесообразно дифференцировать наказания: например, за публичную демонстрацию, не совмещенную с иными отягчающими, установить нижний предел поменьше. Сейчас же закон «глобально» ставит ее на уровень, равный служебному положению. Неочевидно, что эти явления равноопасны. Законодатель исходил из морального вреда, но измерить его трудно.

Подводя итог, следует подчеркнуть: принцип правовой определенности требует, чтобы уголовный закон был понятен и предсказуем как для граждан, так и для судей. В случае квалифицирующих признаков по ст. 258.1 и 260.1 УК РФ цель усилить борьбу с браконьерством и жестоким обращением реализована ценой появления ряда размытых краёв в правовой конструкции. Решение проблем видится в комбинации мер: точечные поправки в законодательство для устранения очевидного дублирования и заполнения пробелов, а также разъяснительная работа со стороны высшей судебной инстанции и научного сообщества. Только так можно достичь баланса, при котором преступления против природы и нравственности будут эффективно пресекаться, а наказание будет справедливо дифференцировано и назначаться в строгом соответствии с ясно сформулированным законом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Российская газета»: Хабаровские живодерки получили реальные сроки заключения // Следственный комитет Российской Федерации. – URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1159164/> (дата обращения: 20.09.2025).

2. Агеева, О. Н. Публичная демонстрация, в том числе в СМИ или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», – новый признак состава преступления? / О. Н. Агеева, С. В. Анощенкова // Уголовное право. – 2025. – № 6. – С. 3–10.
3. Ермолович, Я. Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) / Я. Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах. – 2025. – № 1. – С. 67–74.
4. Жевлаков, Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем / Э. Н. Жевлаков // Уголовное право. – 2024. – № 5. – С. 32–39.
5. Капитонова, Е. А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации / Е. А. Капитонова // Уголовное право. – 2024. – № 2. – С. 24–34.
6. Скрипченко, Н. Ю. Публичная демонстрация совершающегося преступления: законодательная регламентация и квалификация / Н. Ю. Скрипченко // Российская юстиция. – 2025. – № 9. – С. 11–12.
7. Яни, П. С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях / П. С. Яни // Законность. – 2025. – № 1. – С. 30–34 ; № 2. – С. 33–36.